

ДЖУДИТ
АЙВОРИ

Траво
первой ноги

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А36

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Judith Ivory
THE PROPOSITION

Перевод с английского *Е.В. Погосян*
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*
В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Айвори, Джудит.

А36 Право первой ночи : роман / Джудит Айвори ;
[пер. с англ. Е.В. Погосян]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-089155-9

Кто мог взяться за сложнейшее дело — в короткий срок превратить «грубого дикаря» Мика Тремора в благовоспитанного, безупречного джентльмена? Только эксцентричная леди Эдвина Боллаш, всем известная старая дева лондонского света! Что должно было выйти из такого партнерства? На первый взгляд — ничего хорошего! Не сразу, далеко не сразу удалось Эдвине разглядеть в вульгарном простолюдине истинного аристократа и настоящего мужчину — сильного, благородного, бесстрашного. Не сразу и Мик увидел в «унылой» учительнице нежную, страстную, прелестную женщину. Не сразу осознали эти двое, что связаны не жесткими условиями договора, но огненными узами любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Judith Ivory, Inc., 1999
© Перевод. Е.В. Погосян, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-089155-9

ПРОЛОГ

Лондон, 1759 год

Молодой человек упругой походкой, как пристало влюбленному, шел по Чарлз-стрит, внимая звукам разухабистой музыки, доносившейся с Ковент-Гарден-Пьяцца. Незнакомец был высок, элегантен, на голове ловко сидела треуголка, отделанная тем же серебряным кружевом, что и перчатки, камзол и панталоны темно-золотистого шелка. Обтянутые шелковыми чулками с узором из золотистых циферблатов ноги были на удивление стройны.

Стояло прекрасное майское утро, как нельзя более подходящее для радостей любви. На деревьях уже распустились свежие молодые листья, еще не тронутые загрязненной атмосферой, дымом, выходящим из десятков тысяч дымовых труб, едкий запах которого смешивался со смрадом сточных канав. В открытые окна домов вливался прохладный душистый воздух, а прохожие улыбались, словно в предвкушении начала новой жизни.

Молодой человек остановился у высокого узкого дома в середине Чарлз-стрит и, выжидаяще улыбаясь, взялся за дверной молоток с уверенностью гостя, которого ожидает радушный прием.

Пришлось подождать несколько минут, прежде чем дверь тихо открылась.

— Доброе утро, Фланаган, — приветствовал молодой человек, снимая шляпу. Золотистые волосы ярко блеснули на солнце. Протиснувшись мимо слуги, он все с той же уверенностью вошел в переднюю и с недоуменным видом остановился. Шляпные коробки, сундуки и саквояжи буквально устлали пол.

— Кто-то куда-то едет, Фланаган? — спросил он, оглядываясь на слугу, все еще стоявшего у полуоткрытой двери.

Прежде чем тот успел ответить, из тени за лестницей донесся резкий голос:

— Как видите, Салливан, именно так. Мы с падчерицей уезжаем в Европу.

На свет выступил джентльмен средних лет с густой копной седых волос, идеально прямой спиной и осанкой бывшего военного.

— Это несколько неожиданно, не находите, сэр?

Достопочтенный Себастьян Салливан с внезапным подозрением уставился на генерала Джорджа Хейурда.

— Вчера вечером, когда мы с Сереной виделись, она ничего не сказала.

— Полагаю, Серена ничего не знала о моих планах, — беззаботно ответил джентльмен. — Но теперь я ее известил. Боюсь, в настоящее время она занята подготовкой к отъезду. Мы отбываем сегодня днем.

— Сегодня днем? — с ужасом переспросил молодой человек. — Я... я не понимаю, генерал Хейурд.

Прежде чем ответить, генерал взял из табакерки пюньшку табаку и слегка улыбнулся.

— Не вижу причин, почему вы должны что-то понимать, Салливан. Вряд ли мои планы касаются вас.

Внезапный гнев сверкнул в ясных голубых глазах Салливана.

— Я считаю, что планы Серены очень меня касаются, сэр.

— В таком случае вы еще наглее, чем я полагал, молодой человек. У вас нет никаких прав на мою падчерицу — ни сейчас, ни в будущем.

Себастьян огромным усилием воли подавил взрыв ярости. Все верно. Серена не хозяйка себе, она живет под властью отчима, который не делал тайны из того факта, что едва терпит частые визиты достопочтенного Себастьяна в свой дом, если только дело не касалось игры в комнатах наверху, где было устроено нечто вроде игорного клуба.

— Могу я видеть ее, сэр? — с деланным спокойствием спросил он.

— Она слишком занята, чтобы принимать визитеров, — отмахнулся сэр Джордж.

— Не слишком, сэр, — донесся сверху ясный, чистый голос, и мужчины поспешно обернулись. Молодая женщина остановилась на середине лестницы и, опершись о перила, спокойно их разглядывала.

— Идите сюда, Себастьян, — попросила она, прежде чем снова подняться наверх.

Себастьян не нуждался в разрешении генерала, и поэтому ринулся за девушкой, перепрыгивая через две ступеньки разом. Добравшись до верхней площадки, девушка свернула в маленькую гостиную, окна которой выходили на улицу. Из распахнутого окна доносился стук колес экипажей по булыжной мостовой.

— Серена... Серена, любовь моя, что случилось?

Себастьян швырнул треуголку на стул и шагнул вперед, протягивая руки.

— Какого дьявола затеял генерал? Он заявляет, что сегодня днем вы уезжаете.

— Так и есть.

Она не жала его рук, и Себастьян безвольно опустил их, ошеломленно глядя на нее.

— Насколько мне известно — в Брюссель, — пояснила она.

— Зачем?

— У генерала там какие-то дела, — пожала плечами Серена. — Он считает, что лучше всего вести их на континенте. Кто я такая, чтобы протестовать?

— Ты не можешь ехать, Серена... не должна ехать... как же мы? — потрясенно бормотал он.

Девушка снова пожала плечами.

— Боюсь, что у меня нет выхода. Но в принципе я готова к переменам. В Лондоне становится ужасно скучно, а карточная игра потеряла свою привлекательность. Игроки не делают достаточно высоких ставок, что нам жизненно необходимо, и власти проявляют к нам весьма неприятное и пристальное внимание. Пора перебираться в другое место.

— А что будет с нами? — спросил он упавшим голосом.

— А что с нами? — удивилась Серена. Поразительные фиолетовые глаза на белоснежном лице были на удивление бесстрастны. — У нас был прекрасный роман, дорогой мой, но и только. Отчим никогда не рассматривал возможность моего брака с аристократом без пенни за душой, даже если твоя семья согласилась бы принять в свой круг одну из дочерей фаро*, — невесело рассмеялась она. — И не говорите, что сами считали наши отношения чем-то значительнее короткого флирта. Потому что я уж точно не воспринимала их иначе. И если у вас сложилось такое впечатление, мне очень жаль.

Говоря это, она откинула со щеки локон цвета воронова крыла.

Себастьян вдруг побелел как полотно.

— Вы знаете, что это неправда. Я люблю вас, Серена. И вы меня любите, сами знаете, не отрицайте.

Она нетерпеливо тряхнула головой.

— Вы еще так молоды, Себастьян. Что вы знаете о жизни? Я боялась, что вы расстроитесь, поэтому и хотела объявить вам все сама. Но поверьте, дорогой, я никогда не любила вас. Я не могу позволить себе такой роскоши, как любовь. Скоро вы найдете женщину, которая вам подходит. Но эта женщина не я.

Ответом ей было молчание. Наконец он очень тихо выговорил:

— Выходит, я не знаю вас. Совсем не знаю.

Развернулся, взял шляпу и оставил гостиную, прикрыв за собой дверь.

Серена стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь. Лицо непроницаемое, глаза стеклянные...

Грохот захлопнувшейся входной двери, казалось, сотряс дом. Серена вздрогнула, подошла к окну, глянула вниз и увидела, как Себастьян, не оглядываясь, идет по улице.

* Так именовались женщины — профессиональные игроки, разумеется, в светском обществе не принимаемые. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Молодец, ты прекрасно выполнила мой приказ. Отослала его ни с чем.

Она снова вздрогнула и повернулась к генералу, плотно сжав губы, расправив плечи.

— Как вы велели, сэръ, — холодно обронила она. — В точности как вы велели.

— Я бы предпочел, чтобы вы вообще не виделись, но поскольку именно ты настояла на этом разговоре, вини себя, если он тебя расстроил. Поспеши. Через час мы уезжаем в Дувр.

Глава 1

Лондон, 1761 год

Джаспер Сент-Джон Салливан, пятый граф Блэкуотер, с насмешливой улыбкой обозревал своих братьев-близнецов.

— Итак, дорогие, я со своей стороны сделал все. Теперь и вам предстоит выполнить условия завещания нашего достойного дядюшки.

Достопочтенный Себастьян Салливан вопросительно уставился на своего близнеца, который тупо рассматривал дорогой обюссонский ковер на полу.

— Итак, Перри, Джаспер нашел себе жену. Как мы собираемся последовать его примеру?

— Это безумие, чистое безумие, присущее исключительно обитателям Бедлама, — объявил достопочтенный Перегрин, поднимая наконец глаза. Обычно безмятежные, как воды глубокого озера, сегодня они презрительно сверкали.

— Из-за прихоти старика нам приходится искать женщин, нуждающихся в нравственном или духовном спасении, чтобы получить по трети состояния каждый. Что за абсурд?

— Но подумай о самом состоянии! — мягко напомнил Джаспер, беря понюшку табаку. — Девятьсот тысяч фунтов, дорогой Перри. Это вам не пустяки!

Он уронил эмалевую табакерку в глубокий, отделанный кружевом карман фрака.

— Несметные богатства, — согласился Себастьян. — Но я поверю в них, только когда увижу, а пока предпочитаю считать дьявольской шуткой.

— Тебя вполне можно за это извинить, — хмыкнул Джаспер. — Наш достойный дядюшка — дьявол во плоти, сколько бы ни проповедовал покорность, раскаяние и ни клялся в своем искреннем возвращении в лоно церкви.

— Но стоит ли доверять ему? — не отставал Себастьян. — Он в любую минуту может переписать завещание, пока мы стараемся вернуть какую-то особу на праведный путь.

Но Джаспер покачал головой:

— Нет, в этом, Себ, я сомневаюсь. Виконт Бредли обладает весьма странным чувством чести и не лишит семью огромного состояния, если это зависит от него. Ему просто хочется наблюдать, как мы корчимся, извиваемся и идем на все, чтобы как-то выполнить его условия.

Джаспер поставил бокал с шерри на каминную доску и пожал плечами.

— Что же, полагаю, вы не успели истратить все пять тысяч фунтов, которые он дал вам, чтобы помочь в поисках спутниц жизни, и предлагаю приняться за дело. Трудно сказать, сколько проживет старик.

— О, возможно, он назло нам никогда не покинет этот бранный мир! — воскликнул Себастьян.

Старший брат рассмеялся.

— Несомненно, он будет тянуть сколько возможно, на это и надо рассчитывать! — заверил он и пошел к двери, захватив по пути шляпу и трость с серебряным набалдашником. — Я приглашен на ужин, так что простите: нужно идти.

Дверь за ним закрылась, и близнецы молча уставились друг на друга.

— И что теперь? — пробормотал, наконец, Перегрин. — Я старался даже не думать об этом сумасбродном предложении, но Джаспер прав. Он сумел найти жену, так что теперь остается нам выполнить свой долг. Но где искать падшую женщину? Тем более что я ни на секунду не поверил, будто Кларисса может оказаться этой самой падшей женщиной.

Себастьян рассмеялся, вспомнив молодую жену брата.

— Тут ты абсолютно прав. Но Лондон кишит подлинными отступницами. Давай погуляем по Пьяцце.

— Никогда не находил шлюх привлекательными, — вздохнул Перри. — И будь я проклят, если женюсь на такой, невзирая ни на какие состояния.

— Ну, братец, у меня не столь утонченные вкусы, — ухмыльнулся Себастьян. — Лакомый кусочек из тех, что подороже, может оказаться неплохим развлечением. По крайней мере всегда знаешь, с кем имеешь дело.

По его лицу, однако, прошла тень, мгновенно замеченная сверхнаблюдательным и сверхчувствительным Перегрином.

Тот ничего не сказал, хотя понял, что брат думает о Серене Кармайкл, женщине, которую любил, женщине, бросившей его без всяких объяснений. За три года, прошедших после измены Серены, Себастьян развлекался как хотел, но никогда не позволял отношениям с женщинами стать чем-то более значительным, чем мимолетная интрижка. Он выбирал любовниц из дам полусвета, балерин и продавщиц апельсинов, а раз или два имел дело с куртизанками из высших кругов общества, но никогда ничего серьезного.

Себастьян поднялся, вальяжно потянулся и направился к двери.

— Что же, мне пора. У Харви есть пара гнедых, которые он подумывает продать. Неплохо бы на них посмотреть. Они прекрасно подойдут для той коляски, о которой я мечтал последний год.

— И как это поможет в твоих поисках идеальной невесты? — осведомился брат.

— Внешние признаки богатства неодолимо притягивают женщин того сорта, которые нам нужны, — весело пояснил Себастьян, выходя на Страттон-стрит. — Ты идешь?

Перегрин обдумал вопрос:

— О, почему бы нет? Сегодня у меня нет никаких особых дел.

— Твой энтузиазм буквально ошеломляет, братец, — усмехнулся Себастьян, взмахом трости останавливая кеб.

Лорд Харли уже хотел уходить, когда братья явились в его дом на Стрэнде. Он приветствовал их вялым взмахом руки.

— Себ... Перри... чем обязан такому удовольствию?

— Хотелось бы взглянуть на ваших гнедых, Харли, если вы по-прежнему намерены их продать, — пояснил Себастьян, бросив извозчику монету.

— Достойному покупателю по достойной цене, — осторожно ответил его милость. — Пойдем на конюшню.

— Уверены, что мы вам не помешали? Похоже, вы куда-то торопились, — заметил Перегрин.

— О, ничего такого, что не может подождать, — заверил Харли. — На Пикеринг-плейс только что открылся новый игорный дом, вот я и подумывал туда заглянуть. Мне говорили, что там стоит побывать.

— Кто владелец?

— Понятия не имею. Какие-то приезжие. Кроули прошлой ночью играл там... говорит, очень высокие ставки.

Лорд Харли свернул в аллею, ведущую в конюшни.

Себастьян опытным глазом оглядел гнедых.

— Что ты думаешь, Перри?

— Не знаю. Джаспер сказал бы, что они выглядят чересчур броско, — ответил Перегрин хмурясь.

— Вздор, — фыркнул Себастьян, наклоняясь, чтобы проверить их копыта и бабки.

— Великолепные создания, Харли.

— Пятьсот гиней, — немедленно отреагировал владелец.

— Я подумаю, — помрачнев, бросил Себастьян и покачал головой: — Я намеревался истратить не более трехсот.

— Что же, я не спешу расстаться с ними.

Харли жестом велел конюху увести гнедых.

— Обдумайте и дайте мне знать. Кстати, не знаю, как вы, но у меня обед в «Уайтс» и затем визит на Пикеринг-плейс. Не хотите составить компанию?

— Только не я, — отказался Перегрин. — Я обедаю в Королевском обществе.

— Астрономы или ученые? — поинтересовался Себастьян, ничуть не удивленный словами брата.

— Ни то ни другое — рассмеялся Перегрин. — В данном случае я обедаю с двумя философами и довольно средненьким поэтом.

— Что же, наслаждайся их обществом.

Себастьян хлопнул брата по плечу.

— А я буду наслаждаться хорошим обедом и визитом в игорный дом на Пикеринг-плейс.

— Не трать все деньги сразу, — предостерег Перегрин уходя.

— Что это означает? — осведомился Харли.

— Просто небольшая братская перепалка, — улыбнулся Себастьян. — Едем в «Уайтс».

В кофейне было полно народу, и мужчины быстро присоединились к сидящим за длинным раскладным столом перед камином, где, несмотря на теплый осенний день, горел огонь. Над ним висел котел с водой, из которого наполняли кофейники, выстроившиеся на буфете у стены. Официанты метались туда-сюда с блюдами жареной баранины и графинами вина. В одном углу шла игра в кости, сопровождаемая возбужденными выкриками игроков, в другом собрались более сдержанные игроки в карты, говорившие спокойно и на пониженных тонах.

Себастьян оглядел комнату, приветствуя друзей и знакомых кивками и взмахами руки, а спутников — поднятым кубком. Как полагается, он вел за столом разговоры на подходящие темы, хотя мыслями был далеко. Треть от девяносто тысяч фунтов — почти невообразимое состояние, особенно для того, кто беден как церковная мышь. Джаспер как глава семьи делал все, чтобы обеспечивать братьев из постоянно уменьшавшихся доходов от Блэкуотер-Хауса, но сам постоянно жаловался, что вот-вот попадет в долговую тюрьму. Тон при этом у него был самый шуточный, хотя младшие братья знали, что угроза вполне реальна. Положение Джаспера только ухудшалось требованиями и просьбами многочисленных родственников, которые, похоже,

считали, что упорное игнорирование этих просьб вызвано скорее скупостью, чем отсутствием средств.

Для того чтобы получить состояние, подвешенное прямо перед их носами чудаковатым дядюшкой, братьям приходилось выполнять условия завещания. Все трое должны были обратиться на правильный путь и жениться на женщине, каким-то образом сбившейся с прямой дороги.

Кто надоумил старика на этот коварный план? Впрочем, на этот счет у Джаспера была довольно логичная теория. Виконт Бредли с самой молодости считался паршивой овцой в семье Блэкуотер. Истинной причины никто не знал, но родные никогда не упоминали его имени. В ответ Бредли порвал все связи с семьей и уехал в Индию, где сколотил огромное состояние торговлей, чем вызвал еще большее презрение семьи. Представить невозможно: виконт, занимающийся столь низким ремеслом! И, как несколько раз мрачно упоминал Джаспер, виконта критиковали куда чаще, чем любого другого члена семьи, отклонившегося хотя бы на дюйм с пути истинного.

Поэтому Джаспер считал, что завещание дяди — акт чистой незамутненной мести. Внедрив трех абсолютно неподходящих женщин в лоно семьи Блэкуотер, Бредли мог сойти в могилу с ангельской улыбкой. Драгоценным камнем в короне этого плана должна была оказаться совершенно нежелательная невеста Джаспера. Он был главой семьи, и его графиня должна была стать первой дамой этой самой семьи. Какая остроумная шутка: графиня — бывшая распутница! Мало того, грязное состояние виконта должно спасти финансы семейства! Даже братья искренне наслаждались замыслом дядюшки. А вот привести его в действие — дело другое.

— Себастьян, передай мне вина. На этом конце стола все умирают от жажды!

Себастьян, очнувшись, извинился и подвинул графин по столу, а сам насадил на вилку кусочек жареной баранины и щедро полил луковым соусом.

— Мы с Салливаном идем в новый игорный дом на Пикеринг-плейс, — объявил лорд Харли, наполняя бокал. — Кто-нибудь хочет присоединиться?

— Боюсь, что мое квартальное содержание уже улетучилось, — проворчал сидевший напротив молодой человек. — Повезет, если я следующие два месяца смогу играть на яичные скорлупки.

С этими словами он уткнулся в бокал.

— В таком случае, Коллинз, вам лучше держаться подальше от Пикеринг-плейс, — посоветовал лорд Харли. — Судя по тому, что я слышал, начальная ставка — тысяча гиней.

Себастьян тихо присвистнул. Его собственный лимит на сегодняшний вечер равнялся сотне. Не более того. Теперь его так и подмывало передумать и сейчас, и впредь избегать Пикеринг-плейс. Ведь игра отнюдь не была в его крови. Выигрывает он или проигрывает — все равно не превысит раз навсегда определенного предела. Пожалуй, сегодня он пойдет, и если ставки окажутся слишком высокими, просто удалится.

Себ и Харли собрали компанию еще из двух любопытных игроков, и все четверо отправились в игорное заведение. Они с удовольствием прогулялись по Сент-Джеймс-стрит, дружески болтая и наслаждаясь теплым вечерним воздухом, прежде чем свернуть на Пикеринг-плейс. Игорный дом располагался в красивом здании. Ничто не намекало на незаконную деятельность, происходившую за величественным двойным фасадом. Лорд Харли провел тростью вдоль отполированных перил, ведущих к массивным дверям.

— Ничто не может привлечь нежелательного внимания. Очевидно, владельцы знают, что делают.

Себастьян согласно кивнул. Закрытые игорные клубы, доступные исключительно их высокопоставленным членам, — это одно, но игорные заведения, открытые для каждого, кому по карману высокие ставки, — незаконны. Хотя если не возникнет никаких публичных скандалов, закон редко их беспокоил. Чем знатнее посетители, тем выше ставки, а избранная публика не любит рисковать быть пойманной и преданной всеобщему осуждению.

— Войдем?

Дверь открыл ливрейный лакей в напудренном парике, который с поклонами проводил их в вестибюль с колонна-

ми и мраморным полом, откуда элегантная двойная лестница вела на галерею, где хрустальные люстры лили свет с украшенного фресками потолка. Сверху доносились музыка и приглушенный говор. Двери справа вели в большую столовую.

Себастьян и его друзья отстегнули шпаги и положили на длинные подставки вдоль стены. Вооруженные люди в игорном заведении, где ссоры вспыхивали нередко, не приветствовались в подобных местах. Джентльмены поднялись по лестнице в большой салон. Официант предложил им пунш и шампанское. Несколько минут они стояли, изучая обстановку.

Салон был уставлен игорными столами, между которыми ходили слуги, приглушенными голосами называя ставки. Играющие тихо переговаривались. Иногда раздавался стук костей или хлопок карт. Двери из главного салона открывались в другие комнаты, где стояли столы поменьше, за которыми пары играли в пикет.

Спутники Себастьяна прошли в салон, время от времени останавливаясь у столов и оценивая шансы на выигрыш или проигрыш. Себастьян оставался у двери, привычно оглядываясь. Расходы на заведение подобного рода — с официантами, тонкими винами, дорогими ужинами — доходят самое малое до тысячи гиней в год. Владельцы должны держать очень успешный банк фаро, чтобы иметь хорошую прибыль. Должно быть, тут что-то не чисто и банкометы мошенничают в пользу заведения.

Он допил пунш, шагнул в комнату и буквально замер. Высокая молодая женщина в верхнем платье светло-сиреневого шелка с нижним, из фиолетового шелка, цвета ее глаз, как раз брала две карты из коробки банкмета за столом на дальнем конце салона. Ее ненапудренные волосы цвета темной ночи обрамляли лицо гроздьями буколек.

Себастьян стоял как зачарованный, не сводя глаз с женщины, которая как раз подняла голову, чтобы оглядеть людный салон. Их взгляды встретились, и на секунду последние